

МЕТОДЫ И МЕТОДОЛОГИЯ

DOI: 10.14515/monitoring.2019.2.01

Правильная ссылка на статью:

Веркеев А. М., Волков В. В., Дмитриева А. В., Кнорре А. В., Кудрявцев В. Е., Кузнецова Д. А., Кучаков Р. К., Титаев К. Д., Ходжаева Е. А. Как изучать жертв преступлений? // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 2. С. 4—31. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.2.01>.

For citation:

Verkeev A. M., Volkov V. V., Dzmityriyeva A. V., Knorre A. V., Kudryavtsev V. E., Kuznetsova D. A., Kuchakov R. K., Titaev K. D., Khodzhaeva E. A. (2019) How to study victims of a crime? *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 4—31. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.2.01>.

**А. М. Веркеев, В. В. Волков, А. В. Дмитриева, А. В. Кнорре, В. Е. Кудрявцев,
Д. А. Кузнецова, Р. К. Кучаков, К. Д. Титаев, Е. А. Ходжаева
КАК ИЗУЧАТЬ ЖЕРТВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ?**

КАК ИЗУЧАТЬ ЖЕРТВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ?

HOW TO STUDY VICTIMS OF A CRIME?

ВЕРКЕЕВ Арсений Максимович — лаборант Института проблем правоприменения, Европейский университет в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия

E-MAIL: averkeev@eu.spb.ru

<http://orcid.org/0000-0002-4532-1495>

Arseny M. VERKEEV¹ — Research Assistant at the Institute for the Rule of Law

E-MAIL: averkeev@eu.spb.ru

<http://orcid.org/0000-0002-4532-1495>

¹ European University at Saint Petersburg, Saint Petersburg, Russia

ВОЛКОВ Вадим Викторович — PhD, д.с.н., ректор, научный руководитель Института проблем правоприменения, Европейский университет в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия
E-MAIL: volkov@eu.spb.ru
<http://orcid.org/0000-0003-4726-2465>

Vadim V. VOLKOV¹ — PhD, Dr. Sci. (Soc.), Rector, Academic Director at the Institute for the Rule of Law
E-MAIL: volkov@eu.spb.ru
<http://orcid.org/0000-0003-4726-2465>

ДМИТРИЕВА Арина Викторовна — научный сотрудник Института проблем правоприменения, Европейский университет в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия; аспирант, Университет Восточной Финляндии, Йозенсуу, Финляндия
E-MAIL: admitrieva@eu.spb.ru
<http://orcid.org/0000-0002-4548-0015>

Aryna V. DZMITRYIEVA¹ — Researcher at the Institute for the Rule of Law; Post-Graduate Student
E-MAIL: admitrieva@eu.spb.ru
<http://orcid.org/0000-0002-4548-0015>

КНОРРЕ Алексей Викторович — младший научный сотрудник Института проблем правоприменения, Европейский университет в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия
E-MAIL: a.v.knorre@gmail.com
<http://orcid.org/0000-0002-5079-9573>

Alexey V. KNORRE¹ — Junior Researcher at the Institute for the Rule of Law
E-MAIL: a.v.knorre@gmail.com
<http://orcid.org/0000-0002-5079-9573>

КУДРЯВЦЕВ Владимир Евгеньевич — младший научный сотрудник Института проблем правоприменения, Европейский университет в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия
E-MAIL: vkudryavtsev@eu.spb.ru
<http://orcid.org/0000-0002-6509-9094>

Vladimir E. KUDRYAVTSEV¹ — Junior Researcher at the Institute for the Rule of Law
E-MAIL: vkudryavtsev@eu.spb.ru
<http://orcid.org/0000-0002-6509-9094>

КУЗНЕЦОВА Дарья Александровна — младший научный сотрудник Института проблем правоприменения, Европейский университет в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия
E-MAIL: dkuznetsova@eu.spb.ru
<http://orcid.org/0000-0002-5225-530X>

Darya A. KUZNETSOVA¹ — Junior Researcher at the Institute for the Rule of Law
E-MAIL: dkuznetsova@eu.spb.ru
<http://orcid.org/0000-0002-5225-530X>

¹ European University at Saint Petersburg, Saint Petersburg, Russia

КУЧАКОВ Руслан Камилович — младший научный сотрудник Института проблем правоприменения, Европейский университет в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия
E-MAIL: rkuchakov@eu.spb.ru
<http://orcid.org/0000-0001-5757-410X>

Ruslan K. KUCHAKOV¹ — Junior Researcher at the Institute for the Rule of Law
E-MAIL: rkuchakov@eu.spb.ru
<http://orcid.org/0000-0001-5757-410X>

ТИТАЕВ Кирилл Дмитриевич — кандидат социологических наук, директор по исследованиям Института проблем правоприменения, Европейский университет в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия
E-MAIL: ktitaev@eu.spb.ru
<https://orcid.org/0000-0002-1921-7969>

Kirill D. TITAEV¹ — Cand. Sci. (Soc.), Head of research at the Institute for the Rule of Law
E-MAIL: ktitaev@eu.spb.ru
<https://orcid.org/0000-0002-1921-7969>

ХОДЖАЕВА Екатерина Анисовна — кандидат социологических наук, научный сотрудник Института проблем правоприменения, Европейский университет в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия
E-MAIL: ekhodzhaeva@eu.spb.ru
<http://orcid.org/0000-0003-4614-1733>

Ekaterina A. KHODZHAEVA¹ — Cand. Sci. (Soc.), Researcher at the Institute for the Rule of Law
E-MAIL: ekhodzhaeva@eu.spb.ru
<http://orcid.org/0000-0003-4614-1733>

¹ European University at Saint Petersburg, Saint Petersburg, Russia

Аннотация. Статья рассказывает о методологии первого российского масштабного репрезентативного исследования жертв преступлений (виктимизационного опроса), результаты которого размещены в открытом доступе. Такие опросы позволяют проанализировать структуру преступности, социальные характеристики жертв, условия совершения преступлений, поведение потерпевших и правоохранительных органов. В мировой практике есть два главных национальных виктимологических исследования — NCVS в США и CSEW в Великобритании, которые проводятся ежегодно или чаще с 1970-х — 1980-х годов. В России серьезных виктимизационных опросов, которые позволяют валидно опре-

Abstract. This paper reports on the methodology of the first Russian representative victimization survey (the data is publicly available online). Victimization surveys are conducted to analyze the crime structure, socio-demographic characteristics of victims, crime circumstances, the behavior of victims and law enforcement agents. In world practice, there are two main national victimological studies — NCVS in the US and CSEW in the UK, both conducted annually or even more often since the 1970s - 1980s. However, up to date, there were no victimization surveys in Russia conducted in the same way. Previous victimization surveys either include the minimum of questions about victimization experience or were conducted on very

делить именно жертв преступлений, реконструировать структуру преступности и проанализировать поведение потерпевших до сих пор не проводилось. Существующие образцы либо были крайне ограничены по количеству вопросов именно о виктимном опыте, либо опирались на очень небольшие выборки. Предлагаемый опрос проведен с использованием технологии CATI на основании простой случайной выборки. Структура выборки воспроизводит структуру населения по основным демографическим параметрам (квотирование не применялось). Опрошено 16 818 человек, из их числа 3 тысячи по собственной оценке имели виктимный опыт в течение последних пяти лет, 3,5 тысячи респондентов не имели виктимного опыта, но подробно ответили на вопросы социально-демографического блока анкеты, 10,3 тысячи респондентов отвечали только на вопросы о поле, возрасте, наличии (отсутствии) виктимного опыта и месте проживания. В опросе преимущественно использовались дихотомические вопросы, позволившие установить юридически значимые характеристики произошедшего и тем самым получить картину преступности не в терминах респондентов («меня ограбили»), а в юридически корректных терминах («произошла кража»). Статья подробно описывает использованные методические решения, обосновывает и соотносит их с мировым опытом.

Ключевые слова: виктимизационный опрос, преступность, структура преступности, поведение жертв, виктимный опыт

small samples and did not allow to have reliable estimates for the number of victims or discover the crime structure and patterns of post-victimization behavior in a reliable way. The victimization survey we present (Russian Crime Victimization Survey - RCVS) based on CATI technology and simple random sample that represents the population of the Russian Federation (no quotas have been used). We interviewed 16 818 persons, out of which 3 001 admitted being victimized during the last 5 years, 3 719 answered, that they did not have victim experience but were asked detailed questions about social and demography background, and 10 098 also answered, that they did not have victimization experience and proceed only with questions about sex, age, and place of living. The questionnaire is mainly composed of dichotomous questions, so circumstances of a crime can be reconstructed and described according to Russian legal discourse (as common descriptions of crimes in Russia sometimes differ from legal ones). In the paper, we describe in detail and substantiate the used methodological solutions, and show its connection with other victimization surveys in the world.

Keywords: vicitimisation survey, criminality, structure of crime, behavior of victims, victim experience

Благодарность. Сбор данных и разработка инструментария проводились при финансовой поддержке АНО «Интерцентр» в рамках договора на выполнение научно-исследовательской работы по теме «Разработка методологии и проведение всероссийского репрезентативного виктимизационного опроса». Анализ международного опыта и подготовка статьи выполнены в рамках проекта Российского научного фонда «Исследование социального контроля и мобилизации права с использованием больших данных», № 17-18-01618. Авторы признательны Дмитрию Скугаревскому, Денису Савельеву, Сергею Чувакину, Серафиму Бутакову и Ксении Руновой за участие в дискуссиях на различных стадиях. Отдельно мы благодарны Юлии Чурсиной и Павлу Степанцову. Особая благодарность анонимному рецензенту, советы которого позволили, на взгляд авторов, преодолеть ряд недочетов, возникающих у статей, написанных при сотрудничестве большого количества авторов.

Acknowledgments. Data collection and tools development were completed with the financial support of ANO "Intercentre" within the contract for the implementation of research work on the topic "Development of methodology and conduct of the all-Russian representative victimization survey". The analysis of international experience and preparation of the article were carried out during the project "A big data study of social control and mobilization of law", supported by Russian Science Foundation, project number: 17-18-01618. The authors are grateful to Dmitry Skugarevsky, Denis Saveliev, Sergey Chuvakin, Serafim Butakov and Ksenia Runova for their participation in discussions at various stages. Special thanks to Yulia and Pavel Stepantsov. Special thanks to the anonymous reviewer, whose advice, in the opinion of the authors, allowed to overcome a number of issues arising when articles written in the cooperation of a large number of authors.

Введение

В России, как и во всем мире, правоохранительные органы используют официальную статистику для понимания уровня преступности. Однако она включает только те преступления, о которых было сообщено в полицию и по которым полиция нашла убедительные доказательства того, что преступление действительно имело место. При таком подходе вне поля зрения правоохранительных органов и официальной статистики остаются случаи, о которых по каким-то причинам люди не заявили или они не были зарегистрированы. Случаи, не попадающие в официальную статистику, еще в первой половине XIX в. были названы бельгийским математиком Адольфом Кетле *dark figure of crime*, в современной российской криминологии используется понятие «латентная преступность» [Иншаков, 2009].

Следовательно, необходим инструмент для точного измерения реального уровня преступности и ее структуры в обществе. Таким средством является социологический инструментарий в целом и непосредственно опросный метод — как один из наиболее эффективных.

Понимание реального количества и структуры преступлений необходимо для выстраивания государственной правоохранительной политики и социальной по-

литики, косвенно направленной на предупреждение преступности. Также важно учитывать, что уровень латентности разных преступлений различен [Титаев, 2019].

В мире с 1970-х гг. для решения этой задачи используются специальные виктимологические (виктимизационные) опросы. Сначала в США, потом в Великобритании, затем и в большинстве развитых государств они стали проводиться с некоторой периодичностью. В России до сих пор не проводилось полноценных виктимизационных опросов, репрезентативных на национальном уровне.

Весной 2018 г. Институт проблем правоприменения при Европейском университете в Санкт-Петербурге разработал инструментарий и провел телефонный опрос более чем 16 тыс. респондентов, из которых более 3 тыс. заявили, что они были жертвами преступлений за последние пять лет. Опрос проводился по простой случайной выборке телефонных номеров, охватывающей и сотовые, и городские номера. Распределения социально-демографических характеристик, полученные по итогам опроса, говорят о его высокой репрезентативности.

Статья описывает методологию опроса в сравнении с мировой практикой и показывает логику формирования массива. Сам массив размещен в открытом доступе для свободного использования¹. На сегодняшний день предполагается, что опрос станет регулярным (раз в два-три года) и его данные позволят впредь отслеживать динамику реальной преступности в России.

В статье мы сосредоточимся на методических вопросах такого исследования, поскольку есть надежда, что подобные опросы будут проводиться в России и впредь. Анализ мирового опыта и вставших перед авторами данного опроса методических проблем позволит исследователям в будущем учесть накопленный опыт. Ключевой вопрос, ответу на который посвящена данная статья, можно сформулировать так: какова может быть методология репрезентативного национального виктимизационного опроса, если реализовать общепринятую модель — панельную выборку на десятки тысяч домохозяйств и личный опрос — нет возможности.

Для того чтобы ответить на этот вопрос, нужно последовательно разобрать несколько аспектов. Первая часть статьи кратко описывает само понятие виктимизационного опроса, мировой и российский опыт их проведения — чтобы показать те образцы, от которых мы отталкивались при проектировании данного опроса. Отдельно в первой части рассматривается проблема использования телефонного интервью в высокосензитивных и сложноформулируемых опросах — это необходимо, поскольку в мировой практике такой подход до сих пор применялся редко. Вторая часть статьи представляет методологию конкретного опросного проекта, рассматривая конкретные решения возникающих методических проблем, а именно: проблему формулирования вопроса в телефонном интервью, проблему его репрезентативности. Заключение кратко показывает первые примеры использования таких данных.

Отдельно стоит сказать о логике реализации проекта (которая, в частности, объясняет длинный перечень авторов данной статьи). Для проектов такого рода необходим большой и разнодисциплинарный исследовательский коллектив, работающий по нехарактерному для количественных исследований методу «длинного

¹ Ссылка на массив: Knorre A. 2019, Russian Crime Victimization Survey 2018. <https://doi.org/10.7910/DVN/C20TH9> (дата обращения: 12.04.2019).

стола» [Ковалев, Штейнберг, 1999] в ходе подготовки инструментария, его проверки, предварительных качественных исследований, анализа международного опыта. В результате возникает ситуация, в которой каждый член исследовательского коллектива вносит содержательный вклад как в методологию проекта, так и в статьи, подготовленные на его основании.

Виктимизационные опросы в России и в мире

Понятие виктимизационного опроса и его цели

Виктимизационный, или виктимологический опрос — это исследование, в ходе которого респонденты опрашиваются о том, были ли они жертвой преступления, как вели себя в этой ситуации, как поступали после этого.

На сегодняшний день такие опросы — лучший инструмент, который позволяет создавать прочную эмпирическую базу [Кнорре, Титаев, 2018] для государственной политики в таких сферах, как контроль преступности, социальная политика, судебная политика и т. д., поскольку дает наиболее полную и пригодную для анализа информацию.

Можно выделить несколько блоков информации, которые получают в результате проведения такого опроса, — собственно виктимологические данные (кто и как становится жертвой); криминологические данные о структуре преступности (где, когда и как совершаются те или иные виды преступлений); поствиктимное поведение (обращение в полицию и медицинские учреждения, использование неформальных механизмов поиска преступника); отношение к правоохранительным и судебным органам — когда человек оценивает свой опыт взаимодействия и сообщает о том, как он поведет себя, вновь оказавшись в подобной ситуации.

Вместе с социально-демографическими характеристиками респондентов это дает возможность понять, какова структура преступности и ее социальный профиль, какие социальные группы находятся в зоне риска, каково реальное, а не оценочное отношение к правоохранительным органам. Данные, полученные в ходе таких опросов, позволяют очень точно (гораздо точнее, чем простые опросы о доверии) аппроксимировать отношение населения к правоохранительным органам.

Виктимизационные опросы помогают решать целый ряд академических задач. Так, именно поведение в подобных сложных ситуациях многое говорит об обществе [Black, 1979], и анализ такого поведения позволяет проверять большие социологические теории [Веркеев, 2018].

При этом виктимизационные опросы связаны с целым рядом методических проблем. Во-первых, это сензитивная тема, и авторы вопросника должны выстраивать опрос таким образом, чтобы минимально травмировать респондента возвратом в явно дискомфортную ситуацию. Во-вторых, масштабные виктимизационные опросы обычно отличает панельный характер данных (в котором одни и те же люди или домохозяйства опрашиваются ежегодно или чаще) и/или сложный дизайн выборки и высокая регулярность замеров. Это позволяет отслеживать динамику виктимизации населения и выделять тренды. Специфика таких опросов состоит в большом количестве вопросов и логических переходов (разветвлений) в анкете. Выстроить такую выборку достаточно сложно, это требует регулярного

контакта интервьюеров с одними и теми же домохозяйствами, высокой квалификации интервьюеров и прозрачных данных о географической мобильности населения. Важно и то, что виктимный опыт, как правило, имеет не более 10 % опрошенных, что создает очень большую нагрузку на опрашиваемых. В-третьих, большие сложности связаны с квалификацией произошедшего события в качестве преступления.

В виктимизационных опросах обычно применяется метод личного интервью лицом к лицу (face-to-face, F2F). Набор и подготовка интервьюеров для таких опросов, учитывая специфику темы, представляет собой отдельные методологические трудности. Забегая вперед, отметим, что в нашем опросе мы отказались от этого способа в пользу телефонного опроса с применением специального программного обеспечения. Подробнее о плюсах и минусах такого решения расскажем далее.

Ниже покажем мировой и российский опыт, которые стали отправной точкой для нашего виктимизационного опроса.

Мировой опыт проведения виктимизационных опросов

В большинстве развитых стран с начала 70-х годов XX века проведение регулярных виктимизационных опросов стало важным элементом как академической дискуссии о преступности, так и государственной политики по контролю над ней. Наиболее ранние эксперименты в этой области начались в США середины 1960-х гг., когда правительственные эксперты пришли к выводу, что надежные источники данных о латентной преступности отсутствуют. Первый пилотный виктимизационный опрос имел локальную направленность и был проведен уже в 1966 г. в Вашингтоне [Rennison, Rand, 2006: 19—21].

На текущий момент наибольшую известность и значение имеют три проекта по проведению виктимизационных опросов: американский, британский и международный.

Американский опрос National Crime Victimization Survey, NCVS (панее — National Crime Survey, NCS) проводит Бюро правовой статистики США (Bureau of Justice Statistics) с 1972 г. Таким образом, NCVS является хронологически первым регулярным виктимизационным опросом в мире. Каждые полгода по национально репрезентативной стратифицированной выборке опрашиваются все члены домохозяйств старше 12 лет (примерно 49 тыс. домохозяйств, около 100 тыс. человек). NCVS имеет двухуровневую выборку: сначала отбираются простые выборочные единицы (примерный аналог российских избирательных участков), которые соответствуют определенным областям страны, затем отбираются собственно домохозяйства². Каждое домохозяйство, попав в выборку, остается в ней в течение трех лет, что дает панельные данные. Респондентов спрашивают о виктимном опыте за последние полгода. Особые усилия при этом прикладываются к тому, чтобы из-за ошибок респондентов информация, уже попадавшая в опрос полгода назад, не дублировалась.

Первое (установочное) интервью проводится лично на дому, затем возможен переход на телефонное интервью [Catalano, 2006: 23—24]. Процент домохозяйств,

² National Crime Victimization Survey, 2016. Technical Documentation. NCJ 251442. 2017. URL: <https://www.bjs.gov/content/pub/pdf/ncvstd16.pdf> (дата обращения: 16.04.2019).

согласившихся на прохождение опроса (response rate) в 2016 г., равен 78%³. NCVS, как и другие похожие опросы, периодически переживает усовершенствования методологии, но основные улучшения были сделаны еще в середине 1990-х гг., когда были решены проблемы с операционализацией анкетных вопросов⁴.

Анкета NCVS рассчитана на все основные типы преступлений, обычно релевантные для виктимизационных опросов. Это преступления против личности (personal crimes) и преступления против собственности/домохозяйства (property/household crimes). Первые включают физическое насилие, изнасилования, другое сексуальное насилие, грабежи и кражи личных вещей, а также угрозы. Вторые включают домовые/квартирные кражи, кражу со взломом, угон транспорта и вандализм. Важно, что включаются и попытки, т. е. незавершенные преступления⁵.

Как и в других виктимизационных опросах, интервью разделено на два этапа (две разные анкеты). Первый этап нацелен на выявление виктимного опыта у респондента. На этом этапе выявляются все случаи виктимизации, если их было несколько у респондента. А затем, на втором, более объемном этапе, уточняются детали произошедшего.

NCVS также периодически проводится с дополнительными анкетами: например, о stalking, т. е. продолжительном преследовании, проявлении навязчивого внимания к человеку против ее/его воли (Stalking Victimization Supplement, SVS) или о внутришкольной виктимизации (School Crime Supplement, SCS).

Британский Crime Survey for England and Wales, CSEW (ранее — British Crime Survey, BCS) проводится с 1982 г. Сначала он реализовывался Home Office (МВД Соединенного Королевства), а затем Национальной статистической службой Великобритании (Office for National Statistics). С начала 2000-х гг. опрос проводится с привлечением внешнего исполнителя, коммерческой фирмы TNS BMRB. В настоящее время опрос имеет непрерывный характер, в результате чего основные репрезентативные для страны в целом показатели обновляются каждые три месяца.

Для опроса используется стратифицированная выборка домохозяйств Англии и Уэльса объемом 35 тыс. респондентов. Большинство из них старше 16 лет, но при этом ставится цель опросить не менее 3 тыс. детей в возрасте 10—15 лет⁶.

Выборка носит непанельный характер и имеет сложный дизайн, который несколько раз модифицировался. С 2012 г. процедура построения выборки существенно не модифицировалась. На данный момент в основе опроса лежит кластерная выборка (cluster sampling), включающая различные подходы для построения выборки в трех территориальных группах, различающихся по плотности населения. Эти группы определяются относительно пространственной плотности

³ Criminal Victimization, 2016. URL: <https://www.bjs.gov/content/pub/pdf/cv16.pdf> (дата обращения: 16.08.2018).

⁴ Kindermann Ch., Lynch J., Cantor D. Effects of the Redesign on Victimization Estimates. Washington DC: U. S. Department of Justice. 1997. BJS Fact Sheet NCJ 164381. URL: <https://www.bjs.gov/content/pub/pdf/ERVE.PDF> (дата обращения: 16.08.2018).

⁵ National Crime Victimization Survey, 2016. Technical Documentation. NCJ 251442. 2017. P. 6—7. URL: <https://www.bjs.gov/content/pub/pdf/ncvstd16.pdf> (12.04.2017)

⁶ CSEW Technical report, 2016/17. С. 13 URL: <https://www.ons.gov.uk/file?uri=/peoplepopulationandcommunity/crimeandjustice/methodologies/crimeandjusticemethodology/201617csewtechnicalreportvolumeone.pdf> (дата обращения: 16.08.2018).

расположения адресов домохозяйств. Еще одно требование к выборке заключается в необходимости достижения одинакового минимального числа интервью в 42 полицейских округах (Police Force Areas). Доля ответивших в 2015 г. составила 70 %. Помимо имеющихся основных типов преступлений, в 2015 г. был добавлен дополнительный набор вопросов, направленный на мошенничество и киберпреступность⁷.

CSEW частично составляет методологическую основу для ICVS — международного проекта по исследованию виктимизации. Международный International Crime Victims Survey (ICVS) был инициирован в 1987 г. как проект по унификации опросного инструментария в разных странах и проводился каждые четыре-пять лет шесть раз в период с 1989 г. по 2010 г. [van Kesteren, van Dijk, 2010; van Dijk, 2015]. Опросники большинства европейских стран построены на основе единой методологии ICVS. В отличие от рассмотренных выше NCVS и CSEW, позволяющих сравнивать базовое состояние преступности в отдельно взятой юрисдикции в зависимости от времени, ICVS принципиально кросснационален. Выборки опросов по методологии ICVS обычно составляют несколько тысяч респондентов, что гораздо меньше выборок национальных опросов NCVS и CSEW, а также не являются панельными, т. е. каждый раз единицы выборки отбираются заново, нет намеренного повторения респондентов. Таким образом, ICVS менее масштабен и проводится реже, но это совпадает с его задачей, которая заключается в производстве данных, наиболее релевантных для межстрановых сравнений.

Опросы на основании этой методологии с незначительными модификациями успели провести более чем в 80 странах [van Kesteren, van Dijk, Mayhew, 2014]. Формально в 18 странах Евросоюза проводится отдельный опрос — European Survey on Crime and Safety (EU ICS). Он, однако, практически полностью основан на методологии ICVS и пригоден для сравнений [Methodology..., 2007].

Опросы ICVS отличает их ориентация на кросснациональные сравнения, которой способствует унификация опросных инструментов: применение идентичной операционализации и стратегии построения выборки. Однако единый инструментарий ставит другую проблему: необходимо не упустить специфику конкретных стран. Правовые системы разных стран, структура правоохранительных органов, а также квалификации правонарушений в уголовном и/или административном кодексе могут значительно различаться. Это затрудняет как использование унифицированного инструментария, так и межстрановые сравнения по итогам опроса. Представляется, что хороший опросный инструмент должен балансировать между двумя крайностями: чрезмерной локализацией и полной унификацией.

Телефонное интервью в виктимизационном опросе

Традиционно большая часть виктимизационных опросов проводилась и проводится с использованием личных интервью. Так, наиболее крупные и значимые из них NCVS, CSEW и ICVS предполагают именно очное обследование. Телефонные интервью, и в частности CATI (Computer Assisted Telephone Interview, телефонное интервью, в ходе которого оператору помогает специальное программное обеспе-

⁷ Там же. С. 3.

чение), использованное в проведенном нами опросе, применяются значительно реже. Далее мы рассмотрим способы оценки эффективности F2F и CATI, существующий опыт сравнения этих двух техник, а также продемонстрируем, почему CATI составляет возможную альтернативу F2F.

Традиционно выделяются две базовые метрики, по которым оценивается эффективность опроса: доля ответивших (response rate, RR) и степень покрытия⁸ (coverage rate, CR). Теоретически возможно, что в силу сензитивности темы некоторым респондентам виктимизационного обследования проще делиться своим опытом в ходе «обезличенного» телефонного общения с интервьюером. Соответственно, CATI предположительно должен был бы показывать более высокие RR и CR, чем F2F. Однако мета-аналитические исследования, подробно рассмотренные ниже, говорят о том, что в действительности F2F обладает более высокими RR и CR, чем телефонные форматы сбора данных [Klausch et al., 2017]. Рассмотрим подробнее существующий экспериментальный опыт.

В 2004 г. Scottish Crime Survey (с 1993 по 2003 гг. — SCS, с 2004 по 2006 гг. — SCVS) изменил способ сбора данных — F2F был заменен на CATI. Для оценки последствий методологических изменений в 2004—2005 гг. было проведено исследование⁹, включающее два параллельных опроса — с дизайном F2F и CATI. В итоге было обнаружено существенное отличие в RR (67,3% — F2F, 48,6% — CATI, числа, близкие к результатам по DCVS) и статистически значимое различие в ряде социально-демографических характеристик опрошенных. В результате сделан вывод об отсутствии достаточных оснований для подтверждения надежности и репрезентативности данных, полученных посредством телефонного опроса. Следствием чего стало возвращение в 2006 г. в SCVS¹⁰ (с 2008 г. — SCJS) к методологии F2F. Однако следует понимать, что показатель RR считается для CATI и F2F несколько по-разному. В обоих случаях это доля согласившихся на интервью из числа тех, с кем произошел первичный контакт. Однако первичный контакт по телефону (ответ на звонок) требует от респондента меньших усилий, чем первичный контакт в личном интервью (открытие двери или ответ на звонок домофона).

При этом существует и противоположный взгляд на данную проблему. Эксперимент с дизайном сбора данных DCVS показал весомое отличие RR для F2F (64,3%) и телефонного интервью (48,2%). Вместе с тем разница в ошибках выборки по валидационному пулу переменных была или незначительной, или отсутствовала вовсе. Таким образом, исследователи пришли к выводу, что альтернатива F2F в виде телефонного опроса в целом возможна и жизнеспособна [Klausch et al., 2015].

В результате мы можем сделать вывод, что два базовых исследования по интересующей нас проблеме противоречат друг другу. При сопоставлении их результатов следует учитывать разницу в дизайне экспериментов. В DCVS использовалась

⁸ Подразумевается вероятность попадания элемента генеральной совокупности (домохозяйства или гражданина) в список, на основе которого строится выборка. В случае телефонного опроса это уровень телефонизации, который наблюдается в генеральной совокупности.

⁹ Steven H. Research report for The Scottish Executive. 2005. URL: <https://www.gov.scot/Publications/2005/12/22132936/29366> (дата обращения: 16.08.2018).

¹⁰ Scottish Crime and Justice Survey 2016/17, Technical Report. URL: <http://www.gov.scot/Topics/Statistics/Browse/Crime-Justice/crime-and-justice-survey/publications> (дата обращения: 16.08.2018).

двухволновая схема, то есть отпрашивались одни и те же респонденты, и источник формирования выборки также был единым — национальный реестр. В случае SCVS были построены две независимые выборки, для CATI случайным образом генерировались телефонные номера с помощью набора случайных цифр (random digit dialing, RDD), выборка для F2F создавалась на основе реестра почтовых индексов (postcode address file, PAF).

Статистически величины RR и CR напрямую не связаны с систематическим смещением выборки [Groves, Peytcheva, 2008; Wagner, 2012]. Последнее обусловлено не размером RR, а подлежащими механизмами принятия решений об отказе от ответов или невключения в процесс построения выборки обособленных совокупностей. В связи с этим RR как инструмент оценки качества опроса должен использоваться с осторожностью. На российском материале более сложные инструменты также использовались для сравнения разных способов контакта с респондентом [Соколов, Казанцев, 2017] и не дали однозначных результатов ни «за», ни «против».

Специфика полевого эксперимента как исследовательского метода такова, что различия в дизайне делают невозможным прямое сопоставление результатов. Для реальной практики допущение, что две случайные выборки, опирающиеся на разные базы формирования, дадут по всему валидационному пулу переменных выборочные ошибки в пределах случайной изменчивости, выглядит завышенным. Таким образом, методология, допускающая использование CATI и сделанные исследователями выводы, представляются более убедительными.

Если предположить, что результаты полевого эксперимента по DCVS корректны и данные, полученные посредством F2F/CATI статистически близки, то с учетом географических масштабов России и существенной региональной гетерогенности, для покрытия которой желательнее иметь большую выборку, CATI выглядит предпочтительнее классического F2F.

Российский опыт и проблемы виктимизационных опросов

В отличие от США и других стран, в России до недавнего времени не было проведено ни одного масштабного виктимизационного опроса, который бы репрезентировал население России в целом и был бы известным широкому кругу ученых и исследователей. Из того, что есть на данный момент, можно выделить три группы: виктимизационные опросы на уровне отдельных регионов, закрытые виктимизационные опросы на уровне страны и опросы крупных опросных компаний, соприкасающиеся с тематикой виктимизации.

Эмпирические исследования жертв преступлений были начаты еще в советское время в тесной связи с академическими учеными из правоохранительных органов. Основными источниками данных для исследователей были материалы уголовных дел (реже — данные из других источников и опросы осужденных). Жертва преступления описывалась в терминах правовой науки как потерпевший, и основное внимание было сосредоточено на взаимоотношениях «преступник — потерпевший», а также на контекстах совершения тех или иных преступлений [Франк, 1977].

Первые независимые виктимизационные опросы незадолго до распада СССР проводились исследовательской группой, в составе которой был Я. И. Гишинский:

они начались в 1989 г. и были региональными (изучался Ленинград (Санкт-Петербург), в отдельные годы — и другие города, например, Волгоград в 2001 г.). И. Н. Гурвич, работавший вместе с Я. И. Гилинским, пишет, что первое исследование динамики преступности было проведено в 1991 г. В исследовании 1996 г. И. Н. Гурвич и коллеги использовали телефонный опрос, для которого было отобрано 1500 случайных квартирных телефонных номеров, репрезентирующих территорию Санкт-Петербурга, из которых получили 418 валидных ответных листов [Гурвич, 1999]. С 1999 по 2002 гг. эти исследования проводились в Центре девиантологии Социологического института РАН [Гилинский, 2004].

Известно несколько исследований, которые проводились учеными-юристами, однако у всех есть ограничения, связанные либо с объемом выборки (не больше нескольких сотен), либо с генеральной совокупностью, которую выборка репрезентирует (обычно студенты). Кроме того, во всех текстах, описывающих проведенные опросы, исследовательский дизайн представлен крайне скудно либо не представлен вообще. Характерной особенностью таких работ является отсутствие описания того, как были собраны данные, нет описания выборки, процедуры рекрутирования респондентов и так далее. Кроме того, выводы опроса построены на недостаточном для продвинутого количественного анализа объеме данных. Например, в одной из наиболее цитируемых в российской науке статей о латентной преступности С. М. Иншакова подробно описываются масштабы латентной и фактической преступности в России 2000-х годов, но совсем не описываются данные и методика их сбора: лишь в одном месте статьи вкратце указано, что было опрошено 1480 студентов Москвы и других регионов [Иншаков, 2009].

В другой статье о виктимизации в Уральском федеральном округе [Майоров, 2015] выборка составила 240 человек (что недостаточно для продвинутого количественного анализа данных за пределами простых частотных распределений), и не сказано ничего о том, как эти данные были собраны. Схожие проблемы имеет виктимизационный опрос, проведенный в Удмуртской Республике, где было опрошено 550 человек [Зварыгин, Стех, 2008]. В тексте об этом опросе указывается, что «уголовно-правовые признаки составов преступлений описывались обыденным, доступным языком, понятным человеку, не имеющему юридического образования», однако нет описания выборки, процедуры рекрутирования респондентов и дизайна вопросника. То же можно сказать и об одной из немногих юридических диссертаций, посвященных проблеме латентной преступности, где эмпирической базой исследования стал опрос 214 человек, не связанных с правоохранительными органами, на чем описание опроса заканчивается [Кривенцов, 2014]. П. А. Кривенцов в своей диссертации, помимо прочего, описывает исследование А. А. Тирских, в котором приняло участие 300 респондентов [Тирских, 2003]¹¹.

После реформы полиции и включения отношения к ней населения в систему показателей оценки ее работы Министерство внутренних дел РФ как минимум три раза проводило виктимизационные опросы, репрезентативные на уровне субъектов Российской Федерации, где общая выборка составляла десятки тысяч

¹¹ Цит. по: [Кривенцов, 2014].

наблюдений. В 2013 г. такой опрос проводил Фонд «Общественное мнение»¹², в 2014—2015 г. — РГСУ¹³.

Сотрудники Института проблем правоприменения при ЕУСПб проводили диагностику как собранных данных, так и использовавшегося в этих опросах инструментария и пришли к выводу, что опросы имеют признаки множества нарушений стандартов сбора социологических данных [Кнорре, Ходжаева, 2016]. В итоге результаты этих опросов непригодны как для научного анализа, так и для анализа, направленного на принятие управленческих решений. Обнаружено, что ключевые вопросы интервьюеры не задавали вовсе или задавали лишь части респондентов, а выборка была реализована с ощутимыми нарушениями. Например, в 2014—2015 гг. опрос «показал», что с подразделением по лицензионно-разрешительной работе (специальное и малочисленное подразделение) граждане сталкиваются всего лишь в 2,5 раза реже, чем с ГИБДД, чего не может быть в реальности. Никакие распределения, полученные по результатам этих опросов, не могут отражать ситуацию в российском обществе.

Наиболее критичным недостатком в опросах Фонда «Общественное мнение» и РГСУ (в особенности образца 2014—2015 гг.) был дизайн вопросника, то есть тех вопросов, которые задавались респондентам: эти вопросы перенасыщены профессиональными юридическими терминами, сформулированы так, чтобы склонить респондента к определенному ответу, и в целом не позволяют зафиксировать виктимный опыт жертв преступлений. Например, наиболее важный вопрос о том, жертвой каких преступных действий становился человек, включал в себя перечень составов преступлений в основном так, как они сформулированы в УК РФ. В этот перечень были включены как массовые типы преступления, так и редкие (например, террористические), от которых в те годы пострадали менее ста человек на всю страну. В целом эти исследования, результаты которых сегодня попадают в научный оборот через научные публикации сотрудников Академии управления МВД России (например, [Топоров, 2015; Ребий, Васильев, 2016]), хотя и являлись по своему дизайну виктимизационными опросами, однако прагматически были нацелены на использование результатов для оценки МВД и различных подразделений ведомства.

Опросы, проведенные опросными компаниями — полстерами, в частности, представителями «большой тройки» российских полстеров (ФОМ, ВЦИОМ, «Левада-центр»), — также иногда содержат релевантные данные, хотя в целом вопросы о виктимном опыте для полстеров нехарактерны. Обычно они работают скорее с оценочным инструментарием (например, вопросы о доверии полиции), нежели с фактологическими вопросами (о наличии того или иного опыта, поступках, поведении). Но исключения встречаются в опросах на правоприменительную тематику и в omnibus (регулярных опросах со смешанной тематикой вопросов). В качестве примера можно указать опрос о работе

¹² Взаимоотношения полиции и граждан: исследование ФОМ по заказу МВД. Криминальные угрозы, опасность россиян и их контакты с органами внутренних дел. 2013. URL: https://fom.ru/posts/11180?fbclid=IwAR1RXLsQ0Zp8Wmr3deEkzIvRkoFY3cM7_q3inUwLrfo0ka4A1auXiqdBYc (дата обращения: 12.04.2019).

¹³ Долгорукова И. В., Кириллов А. В., Мазаев Ю. Н., Танатова Д. К., Юдина Т. Н. Динамика виктимизации населения России: социологическая оценка. 2018. URL: <http://journals.rudn.ru/sociology/article/view/18455> (дата обращения: 12.04.2019).

полиции, который провел ФОМ в октябре 2014 г.¹⁴ Здесь задавался вопрос об опыте обращения в полицию в последние год-два. Однако без предварительного вопроса о виктимном опыте он не дает информации о том, по какому поводу люди обращались в полицию. В другом вопросе из этой анкеты респонденту предлагают представить, что у него украли кошелек, и сказать, будет он обращаться в полицию по этому поводу, или нет. Это попытка оценить поведение жертв преступлений, но она не обязательно даст данные, близкие к реальному поведению людей, а не к их мнению о своем поведении в заданной ситуации, в которой они не находятся. Интересно, что публикация данных этого исследования была приурочена к профессиональному празднику Дню полиции 10 ноября и имела комплементарный характер.

В феврале 2017 г. ВЦИОМ провел по заказу Фонда поддержки пострадавших от преступлений¹⁵ независимый от МВД опрос. Однако и здесь обнаруживается приоритет юридического взгляда на проблему виктимности (как это было в исследованиях МВД 2013—2015 гг.). Так, ключевой вопрос о виктимном опыте был сформулирован следующим образом: «Становились ли Вы лично за последние 12 месяцев жертвой преступления?». Однако респонденту может быть сложно юридически квалифицировать событие из реальной жизни как преступление.

Общее свойство опросов, проводимых полстерами (за исключением исследования ФОМ для МВД в 2013 г.), является стандартный для общероссийского замера размер выборки: 1500—1600 человек. Но он оказывается слишком мал в сравнении с полноценным виктимизационным опросом, поскольку людей с реальным виктимизационным опытом в такой выборке не более 150 человек (максимум 7 %—10 % от выборки). Это не позволяет провести детальный криминологический анализ, релевантный для всей генеральной совокупности жертв преступлений в России.

Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что полноценного виктимизационного опроса в России до сегодняшнего дня не проводилось.

Российский виктимизационный опрос (RCVS)

Общая логика опроса

В 2018 г. Институт проблем правоприменения при Европейском университете в Санкт-Петербурге начал разработку инструментария, подготовку и проведение общероссийского виктимизационного опроса.

В современных российских условиях полноценное воспроизведение классических образцов национальных опросов (США и Великобритания) было бы чрезвычайно затратным (в силу размера выборок). Работа же по образцу ICVS (несколько тысяч респондентов, непанельная выборка и т. д.) дает скорее данные для межнациональных сравнений, чем детальную картину одной юрисдикции (в силу малых объемов выборок). Это потребовало при учете международного опыта разработки нового инструментария.

¹⁴ Работа полиции и отношение к полицейским // ФОМ. 27.10.2014. URL: <https://fom.ru/Bezopasnost-i-pravo/11784> (дата обращения: 12.04.2019).

¹⁵ Пострадавшие от преступлений: в надежде на справедливость // ВЦИОМ. 22.02.2017. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116081> (дата обращения: 12.04.2019).

Опрос проводился по технологии CATI на основании простой случайно выборки телефонных номеров. Опрашивались резиденты (вне зависимости от гражданства) старше 18 лет. Опрос проводился по специально подготовленному опроснику, целью которого было получить максимально подробную информацию о количестве преступных посягательств и характере последнего из них. Опросник включал блоки о характере преступления, его условиях и поведении жертвы, а также блок вопросов о социо-демографическом профиле. Дополнительная необходимость в разработке специального опросника объяснялась тем, что в русском языке, в отличие от, например, английского, плохо совпадают правовые (важные для последующего анализа) и повседневные категории для описания преступлений. Так, и человек, который стал жертвой квартирной кражи, и человек, который стал жертвой разбоя, могут сказать: «меня ограбили». Однако совершенные преступления не являются грабежом. Поэтому, чтобы избежать путаницы и неточности в юридических терминах, было принято решение о необходимости задавать в опроснике вопросы о конкретных квалифицирующих признаках, а не о том, как сам респондент называет совершенное преступление. Подробнее эту проблему мы рассматриваем далее.

Формированию опросника предшествовал качественный этап — была проведена серия фокусированных интервью для того чтобы реконструировать логику рассказывания о преступлении, используемые термины, понять степень сензитивности тех или иных вопросов. После этого было проведено 30 пилотных интервью по составленному опроснику (которые впоследствии не вошли в массив). На основании тотального прослушивания аудиозаписей этих интервью был скорректирован набор фильтров, порядок вопросов и ряд формулировок. После этого прошел второй пилот (100 интервью), данные которого вошли в итоговый массив. На основании статистического анализа этих данных были выявлены маргинальные ситуации и вопросы, которые не имеет смысла задавать в связи с высоким уровнем затруднений или неответов.

Следующие части этого раздела подробно разбирают логику формирования и репрезентативность выборки, логику построения опросника и обоснованность использования технологии телефонного интервью.

Логика выборки, ее преимущества и репрезентативность

В качестве выборки для данного опроса, вопреки мировой практике, которая, как правило, предполагает сложные многоступенчатые выборки, была положена простая случайная выборка. В телефонном опросе случайным образом отбирался номер телефона из актуальной базы всех мобильных и городских номеров, до данного номера дозванивались и производилась попытка интервью. Уровень ответов (доля тех, кому задавались содержательные вопросы от числа всех, кто взял трубку) составил 14,1% (что типично для телефонных опросов в России). Доля прерванных интервью — 11,8%. Вопреки нашим опасениям, такая модель позволила получить репрезентативную выборку, которая по своей структуре совпадает со структурой генеральной совокупности. В табл. 1 приведено соотношение между популяцией и всеми опрошенными (жертвами и нежертвами).

Таблица 1. Половозрастное распределение в выборке и населении старше 18 лет, %

Возраст	Мужчины			Женщины			Всего		
	Население	Выборка	Разница	Население	Выборка	Разница	Население	Выборка	Разница
18—24	4,6	5,5	0,9	4,4	5,0	0,6	9,0	10,5	1,5
25—34	10,5	12,8	2,3	10,3	12,2	1,9	20,8	25,0	4,1
35—44	9,0	10,4	1,4	9,4	10,5	1,0	18,4	20,8	2,4
45—54	7,7	7,3	-0,4	8,6	9,2	0,6	16,3	16,5	0,2
55—64	7,6	5,7	-1,9	10,1	10,1	0,0	17,7	15,8	-1,9
65+	5,8	3,1	-2,7	12,0	8,3	-3,7	17,8	11,4	-6,4
Всего	45,1	44,7	-0,4	54,9	55,3	0,4	100,0	100,0	N/A

Источник: опрос (N = 16818); Демографический ежегодник России. 2017. Статистический сборник. Росстат. М., 2017. С. 20.

Как видно из табл. 1, использование простой случайной выборки, даже с учетом не-ответов, позволило получить распределение, очень близкое к реальному с поправкой на ожидаемую меньшую доступность старших возрастных групп. Теоретически простая случайная выборка, с учетом почти полной телефонизации в России, и должна давать такой результат. Ожидается больше доля относительно молодых возрастов за счет меньшей доступности в силу физического состояния представителей более старших возрастных групп. В остальном же такое распределение при отсутствии какого бы то ни было квотирования показывает, что полученные результаты хорошо соответствуют базовой цели любой выборки — равновероятному попаданию в выборку представителей всех категорий.

В качестве еще одного контроля можно привести уровень образования. В табл. 2 представлено распределение по уровню образования. Вопрос об образовании задавался не всем респондентам, а только тем, кто был жертвой преступления, и контрольной группе из 3719 человек.

Таблица 2. Уровень образования в выборке и в населении старше 18 лет

Образование	Население	Выборка	Разница
Высшее	26,7 %	37,2 %	10,5 %
Неполное высшее	2,9 %	4,8 %	1,9 %
Среднее специальное / профессиональное	41,6 %	37,2 %	-4,4 %
Полное среднее	17,7 %	15,2 %	-2,5 %
Общее среднее	8,0 %	5,2 %	-2,8 %
Начальное и менее	3,1 %	0,4 %	-2,7 %

Источник: survey (N = 6528); Демографический ежегодник России. 2017. Статистический сборник. Росстат. М., 2017. С. 179. (данные на 2015 г.)

Как видно из таблицы, существует перепредставленность респондентов с высшим образованием. Однако это объясняется недоступностью старших возрастных групп, а уровень образования в России прочно коррелирован с возрастом. Кроме того, официальные данные отстают от опроса на три года, а за этот период должна была несколько (на 2%—3%) вырасти доля в населении людей с высшим образованием. В остальном же можно говорить, что поставленные цели достигнуты в полном объеме.

В результате были опрошены 16 818 респондентов, из которых 3 001 заявили о том, что они были жертвами преступлений за последние пять лет. Им и 3 719 респондентам без подобного опыта были заданы вопросы по социо-демографическому профилю.

Логика опросника, его преимущества, контроль

В отношении виктимизационных опросов существует достаточно проработанный методологический аппарат. Основные рекомендации по проведению таких опросов содержатся в «Руководстве по проведению виктимизационных опросов», разработанном Управлением ООН по наркотикам и преступности и Европейской экономической комиссией ООН¹⁶. Рекомендации касаются в основном трех аспектов: структуры опросника, выбора типов вопросов и учета языковых и культурных аспектов. При разработке дизайна нашего исследования мы старались учесть эти рекомендации.

Основная проблема языка российских виктимизационных опросов, как было показано выше, заключалась в юридикализации вариантов ответов на вопросы о том, жертвой каких преступных действий становился человек. Однако в обыденном языке, как показывают качественные интервью, нет ни четкого разделения таких действий по различным составам Уголовного кодекса, ни способности квалифицировать действия злоумышленника.

Классический пример — имущественные преступления: люди могут называть кражей как тайное хищение их вещи (что соотносится с нормой УК РФ), так и мошеннические действия против них, грабеж и даже разбой, завершившиеся потерей имущества. Люди также не знают различия в уголовных и административных составах за схожие действия — кражей может быть названо, например, и мелкое хищение из магазина бутылки водки¹⁷. В связи с этими обстоятельствами номинализация в вариантах ответов различных составов УК РФ (как массовых, так и экзотических, с которыми сталкиваются не более 200 человек на страну в год), принятая в практике виктимизационных опросов МВД (2013—2015 гг.), не позволяет достоверно понять, о каком конкретно преступлении (и преступлении ли вообще) рассказал респондент, отвечая на вопрос анкеты. В случае нашего телефонного опроса необходимость экономии времени участников опроса выставляла еще более жесткие ограничения на разъяснения к подсказкам интервью, допустимые в случае F2F.

¹⁶ UNODC, UNECE. Manual on victimization surveys. 2010. 232 p. URL: https://www.unodc.org/documents/data-and-analysis/Crime-statistics/Manual_on_Victimization_surveys_2009_web.pdf (дата обращения: 12.04.2019).

¹⁷ На данный момент, чтобы действие считалось кражей, а не мелким хищением, ущерб должен превышать 2,5 тыс. рублей, поэтому хищение бутылки водки, скорее всего, не будет уголовным преступлением.

В типичном случае структура виктимизационного опроса включает несколько разделов. Внутри разделов могут задаваться более детальные вопросы или менее подробные. На рис. 1 представлена общая структура нашего опроса.

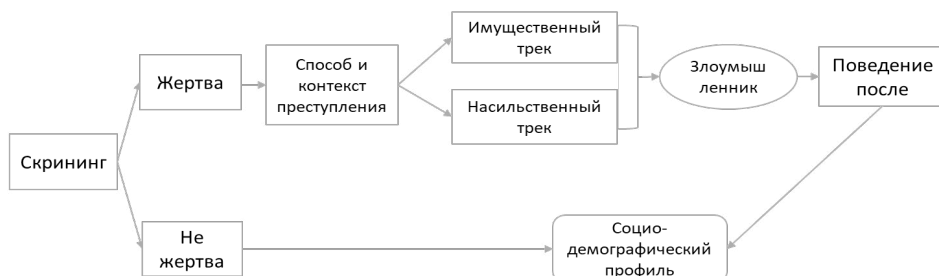

Рисунок 1. Структура виктимизационного опроса

В связи с тем, что многие респонденты не способны отделить преступление от непроступления, особую важность в разработке анкеты играет формулировка скринингового вопроса. Он был сформулирован максимально обыденным языком, но содержал примеры разных ситуаций, которые можно описать как преступления. Такой подход к формулировке скринингового вопроса позволяет гораздо эффективнее выявить и распознать преступление, чем прямой вопрос «Были ли вы жертвой преступления?»¹⁸.

Теми же принципами мы руководствовались при разработке основной логики вопросника. Она базировалась не на номинализации тех или иных составов преступлений, а на поэтапном расспросе респондента о том, что произошло в его случае. При этом из всего разнообразия типов анкетных вопросов, предпочтение было отдано закрытым вопросам, представленным преимущественно вариантами ответов «да» или «нет». Такие формулировки вопросов позволяли не только получить содержательные ответы, но и выполняли роль фильтров, направляющих участников опроса по различным «трекам» преступности (имущественное/неимущественное, насильственное/ненасильственное и т. д.), которым соответствуют наиболее массовые составы УК РФ. В результате ни от респондента, ни и от интервьюера не требовалось определение того, жертвой какого преступного действия стал человек. Это задача исследователей, а не респондентов, и она решалась уже на этапе анализа данных. Нам было необходимо в зависимости от конфигурации ответов определить, к какой категории относится преступление.

Помимо простых дихотомий «да» — «нет», респондентам задавался набор содержательных вопросов, имеющих значение для тех или иных задач криминологического исследования. Содержательные вопросы условно можно разделить на те, которые задавались всем жертвам преступлений и касались общего контекста ситуации, и те, которые позволяют детализировать конкретный тип преступления и создают контекст только применительно к нему.

¹⁸ UNODC, UNECE. Manual on victimization surveys. 2010. 232 p. URL: https://www.unodc.org/documents/data-and-analysis/Crime-statistics/Manual_on_Victimization_surveys_2009_web.pdf (дата обращения: 12.04.2019)

Общие содержательные вопросы задавались после того, как респондент прошел скрининг и назвал себя жертвой преступных действий (за последние пять лет или 12 месяцев). Далее ему было предложено кратко описать, каким был самый недавний случай (открытый вопрос).

После предлагались содержательные вопросы с вариантами ответов о способах и контексте, релевантном для большинства преступных действий (время суток, время года, наличие людей вокруг и т. п.).

Для построения типов преступлений из всей этой серии важен вопрос, совершено ли преступление по телефону или интернету. Это важная характеристика таких преступлений, как мошенничество, но также может служить криминологической характеристикой угроз (в зависимости от того, озвучивались угрозы лично или по телефону, характер преступления существенно меняется).

В опросник был включен сензитивный вопрос о том, ощущает ли респондент в чем-то себя виноватым в сложившейся ситуации. Значительное количество исследований [Janoff-Bulman, Hanson Frieze, 1983; Miller, Porter, 1983], анализ глубинных интервью и последующий анализ в целом подтверждают, что самообвинение (self-blaming) значительно влияет на решение о заявлении о преступлении в полицию при некоторых видах преступлений, в частности, связанных с побоями [Cascardi, O'Leary, 1992; O'Neill, Kerig, 2000], изнасилованиями [Ullman, 1996], мошенничествами [Titus, Gover, 2001], особенно телефонными и компьютерными, и несчастными случаями.

Рассмотрим дихотомии и в целом разработанные «треки преступлений» более детально. Две основные развилки — это вопросы о наличии материального ущерба и насильственных действий в отношении человека (преступления без жертвы и в отношении юридических лиц в опрос не включались). Они создают два основных трека — «имущественный» и «насильственный». Если человек стал жертвой грабежа или разбоя (когда при отъеме собственности он подвергся также насилию или ему угрожали), то при точных ответах на два вопроса-фильтра он «проходит» оба трека.

Имущественный трек включает в себя новые развилки:

— наличие факта присвоения кем-то материальной собственности позволяет отделить все виды хищения (кражи, грабежи, разбои, мошенничества, угоны транспортных средств и т. п.) от других преступлений, приведших к материальному ущербу (например, порча имущества или повреждения автомобиля при ДТП);

— уничтожение или повреждение имущества позволяет не только квалифицировать те или иные составы преступлений, но и оценить, было ли преступление окончанным или имело место покушение на преступление.

— введение жертвы в обман или в заблуждение — используется для разделения мошеннических составов от других форм хищения собственности.

Насильственный трек также включает в себя ряд дихотомических вопросов (с последующими уточнениями), операционализация которых позволяет «квалифицировать» преступление:

— использование оружия (с уточнением «огнестрельное» или «холодное»);

— наличие физического ущерба или телесных повреждений (с основными «закрытиями», позволяющими оценить тяжесть насильственных действий, а также отдельными вопросами об обращении в медицинские учреждения);

- оказание сопротивления нападающему;
- в случае, если физического насилия не было, уточнялось, были ли высказаны угрозы такового (что является отдельным составом УК РФ, а в случае имущественных преступлений — квалифицирующими признаками);
- наличие сексуальных мотивов у нападающего.

Если на все вопросы насильственного трека был получен отрицательный ответ, респонденту задавалась дихотомия о ДТП и последствиях.

Следующий блок — это вопросы о злоумышленниках, которые также чаще выступали дихотомическими фильтрами. Самый первый их них — видела ли жертва или разговаривала со злоумышленником. Этот фильтр необходим для квалификации тайных и открытых хищений (условно, отделения краж и мошенничеств от грабежей и разбоев). Следующий дихотомический вопрос — знакомство жертвы и злоумышленника (что является важнейшим криминологическим признаком насильственных преступлений). Помимо этого уточнялись социальные характеристики злоумышленников, которые известны респонденту (пол, степень знакомства, наличие зависимого положения жертвы, действовали ли злоумышленники группой и т. п.). Также в этой части телефонного интервью всем респондентам задавался дихотомический вопрос о том, можно ли назвать преступные действия повторяющимися. Это важно и для криминологического анализа бытовой преступности, и для исследования особенности российской виктимности в целом.

После прохождения блока «злоумышленник», респондента переключали на трек «поведение после инцидента». Здесь посредством серии дихотомических и содержательных вопросов выяснялось, были ли предприняты какие-либо действия для обнаружения преступника и его наказания (поступление информации или обращение самой жертвы в полицию и другие правоохранительные органы). Важная информация в этой части опроса касается рутины работы полицейских и органов расследования (скорость и особенности реакции на заявление, частота встреч с потерпевшим, исход рассмотрения материалов в случае возбуждения уголовного дела; утонялось, было ли оно раскрыто, а виновник — найден и наказан). Важными исходами, уточняющимися дихотомическими вопросами, является также факт возмещения материального вреда потерпевшему. Далее уточнялось, обращался ли респондент к негосударственным источникам правопорядка, искал ли злоумышленника самостоятельно. И, наконец, задавался самый важный вопрос, характеризующий доверие к полиции среди тех, кто к ней обращался: это намерение обратиться к полицейским снова при повторном инциденте.

Использование преимущественно дихотомических вопросов в виктимизационном опросе имеет безусловные достоинства. Прежде всего — это высокая скорость прохождения опросника, что важно, поскольку респондент при ответе на виктимизационные опросы вынужден повторно погрузиться в негативно окрашенную жизненную ситуацию. Как видно из табл. 3, и вопросы социально-демографического блока, и содержательные вопросы, заданные в дихотомическом виде, требовали меньше всего времени для ответов. Кроме того, дихотомические вопросы не допускают амбивалентных и противоречивых ответов. К недостаткам дихотомических вопросов относят потерю некоторых деталей ответов, но в данном случае можно утверждать, что потеря информации при использовании таких

вопросов происходит минимальная, поскольку речь идет о пережитом опыте респондентов, а не о мнении.

В отличие от содержательных вопросов, возвращающих респондента в неприятную для него ситуацию, вопросы социально-демографического блока не составляют большой трудности для ответа. Ответы на вопросы о возрасте и образовании всегда находятся в оперативной памяти человека [Рогозин, 2000] и могут быть получены мгновенно. В то же время поиск ответов на вопрос о профессиональном статусе зачастую вызывает трудности [Рогозин, Мануильская, 2007]. Так, человек одновременно может находиться в нескольких статусах, например, работать удаленно, будучи в декретном отпуске, учиться на дневном отделении и подрабатывать ручным трудом. Для того чтобы избежать ошибок операционализации вопросов о занятости, они также были сформулированы в виде простых дихотомий с соответствующими переходами:

1. Вы работаете в настоящее время?
2. Вы учитесь в настоящее время?
3. Вы получаете пенсию, пособие, стипендию от государства?
4. Искали ли Вы работу в течение последних 12 месяцев?
5. Вы руководите другими людьми?
6. Ваша работа связана с физическим трудом?

На пересечении ответов на все эти вопросы легко можно определить профессиональный статус респондента.

Для вопроса о доходе нами был выбран оценочный подход, который более привычен респондентам, чем непосредственный подсчет [Рогозин, Мануильская, Климов, 2006]. Однако у такого подхода есть и свои минусы — он требует больше всего времени на ответ среди всех закрытых вопросов (см. табл. 3).

Таблица 3. **Описательные статистики длительности вопросов в анкете (в секундах)**

Вопросы	Тип вопроса	N	Среднее	Медиана	Стандартное отклонение
Самые длинные					
КАКИМ было ПОСЛЕДНЕЕ по времени преступление — опишите в нескольких словах. Потом я задам о нем несколько простых уточняющих вопросов.	Открытый	1876	48,9	38,5	37,2
КАКИМ было это преступление — опишите в нескольких словах. Потом я задам о нем несколько простых уточняющих вопросов.	Открытый	1140	43,6	32,2	37,4
Как бы Вы определили уровень дохода	Закрытый с вариантами ответов	6504	42,4	38	22,6
Можно ли сказать, что в результате этого события Вам был нанесен материальный ущерб?	Закрытый с вариантами ответов	3001	24,5	19,5	18,9
Если возможно указать, то где это произошло?	Закрытый с вариантами ответов	2104	22,5	18,3	16,1

Вопросы	Тип вопроса	N	Среднее	Медиана	Стандартное отклонение
Самые короткие					
Угрожали ли Вам в этой ситуации физическим насилием?	Дихотомический	2621	6,5	5,4	4,6
Вы работаете в настоящее время?	Дихотомический	6581	6,2	5,3	4,3
Скажите, пожалуйста, сколько Вам полных лет?	Открытый	16818	6,1	5,6	4
Это был мужчина или женщина?	Дихотомический	1506	5,8	4,8	4,3
У Вас есть гражданство Российской Федерации?	Дихотомический	6538	5,6	4,8	4,8
Вы учитесь в настоящее время?	Дихотомический	6574	5,1	4,3	3,4
Пол	Не зачитывался, кодировался по имени	16818	2,4	2,2	1,2

Вместо заключения: пример использования данных

Таким образом, в результате проведенного опроса получен массив данных, позволяющий анализировать структуру преступности и условия совершения преступлений, поствиктимное поведение граждан и, частично, работу правоохранительных органов. Полученная информация собрана с использованием оригинального инструментария, но соотносимого с мировой практикой. В дальнейшем результаты опроса лягут в основу более узких исследований.

В качестве самого простого примера использования собранных данных и, одновременно, иллюстрации их качества можно попробовать соотнести полученные данные с официальной статистикой (см. напр., [Титаев, 2019]). Для того чтобы сделать такое соотнесение, необходимо выбрать параметр, который бы и хорошо отражался в официальной статистике, и точно оценивался респондентами. Само количество преступлений, о которых сообщают в полицию, таковым точно не является. Часть преступлений не регистрируется потому, что потерпевшие неверно определяют ситуацию. Количество возбужденных уголовных дел по той же причине может расходиться. Так, потерпевший может не знать, было ли принято такое официальное решение, или быть введенным в заблуждение. То же самое касается и установления преступника (доля раскрытых дел). А вот факт передачи дела в суд фиксируется официальной статистикой на высоком уровне достоверности (здесь есть стык статистики правоохранительных органов и судебной системы). Одновременно процедура уведомления потерпевшего в России такова, что не знать о том, что дело о преступлении в отношении вас было передано в суд, практически невозможно [Панеях и др., 2018]. Таким образом, мы можем оценить количество поступивших в суд дел по двум независимым источникам.

Здесь, важно оговориться, что в официальной статистике нужно отобрать дела, в которых был реальный потерпевший старше 18 лет. По данным аналитического массива статистических карточек МВД в 2014 г., таких дел было чуть менее 400 тысяч (более свежие данные недоступны, но это достаточно стабильный показатель). Если экстраполировать данные опроса, то мы получим 380 тысяч таких

дел за год. Таким образом, можно говорить, что имеющиеся опросные данные проходят валидацию официальной статистикой.

И именно это дает нам возможность утверждать, что и в остальном на предложенных данных можно строить аналитическую работу и по тем преступлениям, которые не попали в поле зрения правоохранительных органов.

Список литературы (References)

Веркеев А. Эмпирические индикаторы мобилизации права // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2018. № 3. С. 91—109. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.3.06>.

Verkeev A. M. (2018) Empirical Indicators of Mobilization of Law. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 91—109. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.3.06>. (In Russ.)

Гурвич И. Н. Виктимизация как фактор изменения правосознания // Социологические исследования. 1999. № 1. С. 142—143.

Gurvich I. N. (1999) Victimization as a Factor in the Change of Justice. *Sociological Studies*. No. 1. P. 142—143. (In Russ.)

Гилинский Я. И. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». СПб. : Изд-во «Юридический центр Пресс», 2004.

Gilinskiy Ya. I. (2004) *Deviantology: Sociology of Criminality, Drug Addiction, Prostitution, Suicides and Other Deviations*. St. Petersburg: Legal Center Press. (In Russ.)

Зварыгин В. Е., Стех Э. Э. Латентная преступность и фактическая виктимизация населения в Удмуртской Республике (по результатам проведенного в 2007 г. криминологического исследования) // Вестник удмуртского университета. Серия экономика и право. 2008. № 1. С. 121—125.

Zvarigin V. E., Steh E. E. (2008) Latent Criminality and Actual Victimization of the Population in the Udmurt Republic (By Results of Carried out (Spent) in 2007 Kriminologic of Research)¹⁹. *Bulletin of Udmurt University. Series Economics and Law*. No. 1. P. 121—125. (In Russ.)

Иншаков С. М. Латентная преступность как объект исследования // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2009. № 1(16). С. 107—130.

Inshakov S. M. (2009) Latent Criminality as a Subject of Criminological Study. *Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*. No. 1(16). P. 107—130. (In Russ.)

Кнорре А. В., Титаев К. Жертвы преступлений в России. Основные результаты виктимизационного опроса. Аналитический обзор. (Серия «Аналитические обзоры по проблемам правоприменения»). СПб. : ИПП ЕУ СПб, 2018.

Knorre A. V., K. Titaev. (2018) Victims of crimes in Russia. The main results of The Victimization Survey. Analytical Review. (Series “Analytical Reviews on Law Enforcement”). St. Petersburg: EUSP Press. (In Russ.)

¹⁹ Перевод названия источника цит. по данным Вестника удмуртского университета. Серия экономика и право. 2008. № 1.

Кнорре А. В., Ходжаева Е. А. Опросы общественного мнения о работе полиции: методологический анализ инструмента и результатов. Аналитическая справка / под ред. К. Д. Титаева. СПб. : ИПП ЕУ СПб, 2016.

Knorre A. V., Khodzhaeva E. A. (2016) Public Opinion Polls on the Work of the Police: a Methodological Analysis of the Scientific Instruments and Results. Analytical Reference / ed. By K. D. Titaev. St. Petersburg: EUSP Press. (In Russ.)

Ковалев Е. Ж., Штейнберг И. Е. Качественные методы в полевых социологических исследованиях. М. : Логос, 1999.

Kovalev E. M., Shtejnberg I. E. (1999) Qualitative Methods in Sociological Field Research. Moscow: Logos. (In Russ.)

Кривенцов П. А. Латентная преступность в России: криминологическое исследование: диссертация кандидата юридических наук: 12.00.08. [Место защиты: Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)]. М., 2014.

Kriventsov P. A. (2014) Latent Crime in Russia: Criminological Research. Diss. Cand. Sci. (Law): 12.00.08. [Kutafin Moscow State Law University (MSLA)]. Moscow. (In Russ.)

Майоров А. В. Современный анализ виктимизации в обществе (на примере Уральского федерального округа) // Виктимология. 2015. № 2(4). С. 59—69.

Mayorov A. V. (2015) Analysis of Modern Society Victimization (on the Example of Ural Federal District). *Victimology*. No. 2(4). P. 59—69. (In Russ.)

Ребий В. А., Васильев Д. В. Влияние нарушений в регистрации заявлений населения в полицию о преступлениях на оценку населением мер, принятых полицией по заявлениям (количественный анализ по видам преступлений) // Труды Академии управления МВД России. 2015. № 1 (37). С. 57—65.

Rebiy V. A., Vasilyev D. V. (2015) The Impact of Violations in the Registration of Statements of the Population to the Police About Crimes on The Assessment of Measures Taken by the Police by the Population According to the Statements (Quantitative Analysis of the Types of Crimes). *Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Interior of Russia*. No. 1 (37). P. 57—65. (In Russ.)

Рогозин Д. М. Когнитивный анализ опросного инструмента // Социологический журнал. 2000. № 3—4. С. 18—68.

Rogozin D. M. (2000) Cognitive Analysis of Questionnaire Design in Survey Research. *Sociological Journal*. No. 3—4. P. 18—68. (In Russ.)

Рогозин Д. М., Мануильская К. М. Как правильно задавать вопросы о профессиональном статусе // Социология 4М. 2007. № 24. С. 130—148.

Rogozin D. M., Manuil'skaya K. M. (2007) How to Ask Questions about Occupational Status Correctly. *Sociology: Methodology, Methods, Mathematical Modeling (Sociology: 4M)*. No. 24. P. 130—148. (In Russ.)

Рогозин Д., Мануильская К., Климов И. Тестирование вопросов о доходе // Социальная реальность: Журнал социологических наблюдений и сообщений. 2006. № 11. С. 103—115.

Rogozin D., Manuil'skaya K., Klimov I. (2006) Income Questions Testing. *Socialnaya realnost'*. [Social Reality]. No. 11. P. 103—115. (In Russ.)

Соколов М. М., Казанцев А. Ю. Типы опросов, выборочные смещения и эффекты квоты: результаты эксперимента с трехосновной выборкой в российском мегаполисе // *Экономическая социология*. 2017. № 18(5). С. 87—110.

Sokolov M., Kazantsev A. (2017) Survey Types, Sample Biases and the Effects of Demographic Quotas. The Results of an Experiment with a Three-Frame Survey in a Major Russian City. *Economic Sociology*. Vol. 18. No. 5. P. 87—110. (In Russ.)

Тирских А. А. Негативные тенденции и меры по снижению уровня латентной преступности // *Современность в творчестве вузовской молодежи*. Сборник научных трудов молодых ученых. Иркутск: ВСИ МВД России. 2003. Вып. 5. С. 54—57.

Tirskikh A. A. (2003) Negative Trends and Measures to Reduce the Level of Latent Crime. In: *Modernity in the Work of High School Youth. Collection of Scientific Works of Young Scientists*. Irkutsk: VSI MIA of Russia. Vol. 5. P. 54—57. (In Russ.)

Титаев К. Д. Жертвы тяжкого насилия в современной России. Аналитический обзор. (Серия «Аналитические обзоры по проблемам правоприменения»). СПб. : ИПП ЕУ СПб, 2019.

Titaev K. D. (2019) Victims of Severe Violence in Modern Russia. Analytical Review. (Series “Analytical Reviews on Law Enforcement Issues”). St. Petersburg: EUSP Press. (In Russ.)

Топоров Б. А. О некоторых подходах к многокритериальному оцениванию деятельности полиции // *Труды Академии управления МВД России*. 2015. № 2(34). С. 42—45.

Toporov B. A. (2015) On Some Approaches to Multi-Criteria Evaluation of Police Activities. *Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Interior of Russia*. No. 2 (34). P. 42—45. (In Russ.)

Панеях Э. Л., Титаев К. Д., Шклярук М. С. Траектория уголовного дела: институциональный анализ. СПб. : ЕУ СПб, 2018.

Paneyakh E., Titaev K., Shklyaruk M. (2018) The Trajectory of the Criminal Case: an Institutional Analysis]. St. Petersburg: EUSP Press. (In Russ.)

Франк Л. А. Потерпевшие от преступления и проблемы советской криминологии. Душанбе : Изд-во Ирфон, 1977.

Frank L. A. (1977) Victims of crime and problems of Soviet criminology. Dushanbe: Publishing House Irfon. (In Russ.)

Black D. (1979) Common Sense in the Sociology of Law. *American Sociological Review*. Vol. 44. No. 1. P. 18—27. <https://doi.org/10.2307/2094814>.

Cascardi M., O'Leary K.D. (1992) Depressive Symptomatology, Self-Esteem, and Self-Blame in Battered Women. *Journal of Family Violence*. Vol. 7. No 4. P. 249—259. <https://doi.org/10.1007/BF00994617>.

Catalano S. (2006) The Measurement of Crime: Victim Reporting and Police Recording. New York: LFB Scholarly Publishing.

Groves R., Peytcheva E. (2008) The Impact of Nonresponse Rates on Nonresponse Bias: A Meta-Analysis. *Public Opinion Quarterly*. Vol. 72. No. 2. P. 167—189. <https://doi.org/10.1093/poq/nfn011>.

Janoff-Bulman R., Hanson Frieze I. (1983) A Theoretical Perspective for Understanding Reactions to victimization. *Journal of Social Issues*. Vol. 39. No. 2. P. 1—17. <https://doi.org/10.1111/j.1540-4560.1983.tb00138.x>.

Klausch T., Hox J., Schouten B. (2017) Evaluating Bias of Sequential Mixed-mode Designs Against Benchmark Surveys. *Sociological Methods & Research*. Vol. 46. No. 3. P. 456—489. <https://doi.org/10.1177/0049124115585362>.

Klausch T., Hox J., Schouten B. (2015) Selection error in single- and mixed mode surveys of the Dutch general population. *Journal of the Royal Statistical Society: Series A (Statistics in Society)*. Vol. 178. No. 4. P. 945—961. <https://doi.org/10.1111/rssa.12102>.

Methodology of the European Crime and Safety Survey. Gallup Europe. (2007 EU ICS working paper series Brussels. URL: http://wp.unil.ch/icvs/files/2012/11/WP_methodology.pdf (accessed: 16.08.2018).

Miller D. T., Porter C. A. (1983) Self-Blame in Victims of Violence. *Journal of Social Issues*. Vol. 39. No. 2. P. 139—152. <https://doi.org/10.1111/j.1540-4560.1983.tb00145.x>.

O'Neill M.L., Kerig P. K. (2000) Attributions of Self-Blame and Perceived Control as Moderators of Adjustment in Battered Women. *Journal of Interpersonal Violence*. Vol. 15. No. 10. P. 1036—1049. <https://doi.org/10.1177/088626000015010002>.

Rennison C., Rand M. (2006) Introduction to the National Crime Victimization Survey. In: *Understanding Crime Statistics: Revisiting the Divergence of the NCVS and the UCR* / ed. by J. P. Lynch, L. A. Addington. Cambridge: Cambridge University Press. P. 17—54.

Titus R. M., Gover A. R. (2001) Personal Fraud: the Victims and the Scams. In: Farrell G., editor, Pease K., editor. *Repeat Victimization: Crime Prevention Studies*. NY: Criminal Justice Press. Vol. 12. P. 133—151.

Ullman S. E. (1996) Social Reactions, Coping Strategies, and Self-Blame Attributions in Adjustment to Sexual Assault. *Psychology of Women Quarterly*. Vol. 20. No. 4. P. 505—526. <https://doi.org/10.1111/j.1471-6402.1996.tb00319.x>.

van Dijk J. (2015) The Case for Survey-Based Comparative Measures of Crime. *European Journal of Criminology*. Vol. 12. No. 4. P. 437—456. <https://doi.org/10.1177/1477370815585446>.

van Kesteren J., van Dijk J. (2010) Key Victimological Findings from the International Crime Victims Survey. In: *International Handbook of Victimology* / ed. by S. G. Shoham, P. Knepper, M. Kett. Boca Raton: CRC Press. P. 151—180.

van Kesteren J., van Dijk J., Mayhew P. (2014) The International Crime Victims Surveys: A Retrospective. *International Review of Victimology*. Vol. 20. No. 1. P. 49—69. <https://doi.org/10.1177/0269758013511742>.

Wagner J. (2012) A Comparison of Alternative Indicators for the Risk of Nonresponse Bias. *Public Opinion Quarterly*. Vol. 76. No. 3. P. 555—575. <https://doi.org/10.1093/poq/nfs032>.